

Елена Михайлова

СМЫСЛОВАЯ ЗНАЧИМОСТЬ СЛАВЯНОФИЛЬСТВА В ОЦЕНКЕ К. Д. КАВЕЛИНА

Анализируется конструктивно-критическая оценка славянофильства в поздних работах К. Д. Кавелина – историка права, общественного деятеля и философа-позитивиста. Конструктивность оценки в том, что славянофильское учение представлено Кавелиным как целостная культурно-историческая и философская модель. Критическая тональность оценки проявляется в анализе практической значимости замыслов славянофилов. Обозначена поливариантная направленность оценочной позиции Кавелина, позволившая ему выступить в роли своеобразного примирителя крайностей. Как сторонник многофакторного подхода к изучению истории, культуры и общества, Кавелин предостерегал от опасности идеализации. Этим объясняется его критика как славянофилов за идеализацию форм классической культуры, так и западников за чрезмерное почитание достижений европейской культуры. Показано, что Кавелин оценивает вклад славянофилов в развитие русской культуры в единстве ее духовных форм – науки, философии, теологии и философии истории. Он полагал, что славянофилы, будучи выразителями патриотических настроений, представляют собой нравственный ориентир для нового поколения, вырастающего в противоречивых условиях пореформенной России. Однако личные симпатии не помешали Кавелину констатировать невыполнимость практических замыслов славянофилов. В заключении нарисована линия восприятия оценочных суждений Кавелина о славянофилах исследователями в новых исторических условиях, в частности П. Н. Милюковым.

Ключевые слова: русская философия, славянофилы, западники, позитивизм, К. Д. Кавелин, русская культура, самосознание, нравственность.

A constructive and critical evaluation of Slavophilism made by the Russian historian of law, public figure and positivist K. D. Kavelin is analyzed. It is claimed to be constructive because Kavelin presented the Slavophile doctrine as an integral cultural, historical and philosophical model. His telling criticism can be seen in his analysis of the practical significance of Slavophile ideas. By means of the hermeneutic methodology as well as historical and philosophical analysis the author proves that Kavelin's approach to Slavophilism is polyvariant. The polyvariant approach enabled Kavelin to act as a reconciler of extremes. Being a supporter of the multifactorial study of history, culture and society, he warned against the danger of any idealization. This explains why Kavelin criticized both Slavophiles who idealized the traditional forms of Russian culture and Westerners who felt an undue admiration for the achievements of European culture. It is shown that Kavelin deeply appreciated the contribution of Slavophiles to the development of Russian culture in the unity of its spiritual forms – science, philosophy, theology and philosophy of history. Kavelin believed that Slavophiles due to their idealistic views and patriotic ideas can be regarded as a moral benchmark for the younger generation that grows under the circumstances of post-reform Russia. However, his sympathy did not prevent Kavelin from pointing out the impracticability of the Slavophiles's project. In conclusion, the author reviews the most important interpretations of Kavelin's statements concerning Slavophiles made by other Russian researchers, such as P. N. Milyukov in particular.

Keywords: Russian philosophy, Slavophiles, Westerners, positivism, K. D. Kavelin, Russian culture, self-awareness, morality.

Для известного русского историка права, общественного деятеля, философа К. Д. Кавелина «разговор» о прошлом и будущем России отождествлялся с ответом на вызов современности. В связи с этим он воспринимал диалог славянофилов и западников как возможность «спрашивать», чтобы получить ответы на волнующие вопросы настоящего. Выбор темы для статьи интересен в двух аспектах, высвечивающих К. Д. Кавелина как автора конструктивно-критической оценки славянофильства, – в личностно-эмоциональном и интеллектуальном. Говоря о первом аспекте, следует отметить, что К. Д. Кавелин испытал в свое время искушение славянофильства, и западничества. Поэтому получается, что в зрелый период своего творчества, оценивая учение славянофилов и западников, русский мыслитель, по сути, оценивал себя, рефлексировал по поводу глубины переживаний собственного жизненного мира. Говоря о втором аспекте, следует отметить, что К. Д. Кавелин, вобрав в себя и осмыслив идеи славянофилов и западников, не остановился на этом, преодолел их односторонность и пошел дальше, встав на путь многофакторной оценки. Поливариантный взгляд на историю помог позитивистски сориентированному мыслителю выступить в роли своеобразного примирителя крайностей, сдерживая славянофилов в их идеализации форм классической культуры и урезонивая западников в их идеализации новоевропейской культуры.

К. Д. Кавелин считал продуктивным синтезировать идеи, накопленные культурно-национальной мыслью в ходе полемики 30–40-х гг. XIX в., и использовать некоторые из них в решении насущных вопросов пореформенной России 1880-х гг. Из философии западничества им принимались три основных положения: включенность России в контекст европейской истории; признание самоценности и самостоятельности личности в истории; правовое обеспечение свободы личности.

В наследии славянофилов творчески продуктивными признавались идеи: о национально-культурной самобытности русского народа; об исторической и политической необходимости сильной самодержавной власти, способной обеспечить правовую защиту личности [4, с. 77].

В статье «Московские славянофилы сороковых годов» («Северный Вестник», 1878, № 20, 23, 24), написанной по поводу выхода в свет в 1877 г. первого тома сочинений Ю. Ф. Самарина, К. Д. Кавелин резюмирует, что «славянофильство было исключительно научной, исторической, философской и теософической доктриной» [2, с. 1145]. Рефреном проходит его мысль о том, что славянофильство никогда не было политической партией, никогда не вынашивало политических идей. К. Д. Кавелин справедливо

отмечает, что славянофилы, как образованные и думающие люди своей эпохи, имели определенные взгляды на политические и общественные вопросы, касающиеся России и Европы, что они демонстрировали и защищали их, насколько позволяли цензурные условия, в основном в своих сочинениях и в салонных разговорах. Однако сама сущность доктрины славянофилов была далека от практического поприща. Вот как пишет К. Д. Кавелин о своих друзьях-славянофилах: «Они были глубоко убеждены, что зло должно запутаться и пасть вследствие своей внутренней несостоятельности, что добро, правда должны рано или поздно восторжествовать вследствие присущей им внутренней силы. Так они думали, так и поступали» [2, с. 1145].

В обобщенном виде кавелинская оценка теории и жизни славянофилов выглядит так.

Наука. Оценивая роль славянофилов в становлении отечественной науки, К. Д. Кавелин подчеркивает смысловую значимость их идеи о том, что «знание, наука не есть последнее слово, что они служат только средством, способом, необходимым и неизбежным условием творческой деятельности, в которой собственно и заключается вся полнота жизни» [5, с. 1156].

Философия. Философская система славянофилов, на взгляд К. Д. Кавелина, несмотря на то, что питалась идейно-теоретическими корнями немецкого романтизма и унаследовала идеи прежде всего Ф. Шеллинга, олицетворяла собой рост русского национального самосознания. Если говорить современным языком, то для К. Д. Кавелина начальной точкой отсчета славянофильской философии стала рефлексивность как потребность осмысливать события, отыскивать их разумную причинность. Вот как пишет на этот счет сам К. Д. Кавелин: «Работа русской мысли и русского сознания естественно началась в то время, когда после долгого европеизма, наполнившего царствование Екатерины и Александра, начался у нас возврат на самих себя, родилось чувство национальности, чувство государственной народной самостоятельности. Они (славянофилы. – Е.М.) и вызвали сознательное отношение к самим себе и другим» [2, с. 1159].

Теософия. К. Д. Кавелин фокусирует особое внимание на религиозных воззрениях славянофилов и приходит к выводу, что им удалось раскрыть смысловую значимость нравственной стороны христианства. Славянофилы смогли дать критическую оценку католицизму и протестантизму. Так, они положительно оценивали роль католицизма в применении логики Аристотеля для доказательства бытия Бога, в обосновании юридических норм, признавали общекультурную значимость художественных произведений с библейскими сюжетами. При этом славянофилы подметили на-

растание негативной тенденции, свидетельствующей о том, что римская церковь превращалась в учреждение, «с которым не могли ужиться ни государство, ни наука, ни нравственность, ни совесть» [2, с. 1154]. Протестантизм позитивно интерпретируется славянофилами как христианство, сориентированное на значимость внутреннего убеждения. Однако и здесь они усмотрели односторонность этого религиозного направления: нельзя сводить все содержание христианских истин к предмету познания и самопознания. Православие, в интенции славянофилов, способно к более полному и близкому толкованию евангелического учения. К. Д. Кавелин отмечает, что славянофилы приблизились «к более глубокому пониманию христианского учения, как указания путей для нравственной деятельности единичного лица и идеалов индивидуального человеческого существования» [2, с. 1156].

Философия истории. Славянофилы представляли историю как непрерывный и последовательный ряд усилий человечества, желающего улучшить свое положение. Соглашаясь с таким пониманием исторического прошлого, К. Д. Кавелин идет дальше и предлагает рассматривать историю как «встречу» культур – древней и новой. Надо изучать древнюю историю, но нельзя идеализировать ее, т. к. русский старинный быт как живой организм был весьма изменчив и противоречив. К. Д. Кавелин остерегает от попыток идеализации и славянофилов, и западников. «Те же лучезарные идеалы, которыми жили славянофилы, вдохновляли и западников, – пишет он в статье “Злобы дня”, – различались только формы, в которых облекались эти идеалы». Для славянофилов наиболее целесообразным представлялись формы древней русской культуры, для западников – новоевропейской [1, с. 1031].

В единстве целей обе доктрины представляются одной из первых попыток самостоятельного осмысления русской истории. К. Д. Кавелин придает им значение «ранней зари нашей самостоятельной умственной деятельности». Будущее показало непрочность фундамента, на котором и те, и другие надеялись построить «здание русского быта и гражданственности». Хрестоматийно известны слова К. Д. Кавелина об итогах идейной борьбы 30–40-х гг. XIX в.: «Эпигоны славянофильства и западничества остались при основах и тезисах, лишенных живого значения, твердя одни о народничестве, другие о европеизме, цивилизации и прогрессе» [1, с. 1033]. В своей сбалансированной оценке К. Д. Кавелин соглашается со славянофилами в том, что они справедливо обратили внимание на некритическое увлечение России европейскими культурными формами, и это сдерживало развитие собственных интеллектуальных сил, освещало культурные потребности «ошибочным светом» [1, с. 1028]. С западниками К. Д. Кавелин согла-

шается в том, что необходимо использовать готовые достижения западноевропейской культуры. Он критикует и тех, и других за крайность мнений: славянофилов – за необоснованную идеализацию русского старинного быта и попытку возрождения его в новых формах, западников – за переоценку гармонизирующей силы европейской культуры, далекой от совершенства, что, собственно, и подтвердилось событиями революций в Европе середины XIX столетия.

Славянофилы выходят из-под пера К. Д. Кавелина живыми, человечными и в силу этого противоречивыми. Автор высоко оценивает личностные качества каждого из них. П. В. Киреевский, на взгляд К. Д. Кавелина, – это «человек очень начитанный», И. В. Киреевский – «талантливый ученик и последователь Шеллинга», А. С. Хомяков – «поэт, полигистор и замечательный диалектик», К. С. Аксаков в своих воззрениях прошел путь от «ревностного гегельянца» до мыслителя с «московским оттенком», Ю. Ф. Самарин, как никто другой, умеет проявлять «удивительное спокойствие в полемике» [2, с. 1161–1162]. Трудно не заметить, что последний видится К. Д. Кавелину самым разносторонним деятелем славянофильства. Воспитанник Московского университета, Ю. Ф. Самарин получил блестящее образование, органично сочетал в себе глубокие знания философии, богословской литературы и истории с финансовыми и экономическими знаниями.

Рисуя коллективный портрет пятерых московских славянофилов, К. Д. Кавелин не оставляет без внимания и тот факт, что все они были людьми с состоянием, не занимались служебной деятельностью. Живя в одном городе, они были очень близки, беспрестанно виделись друг с другом, много разговаривали и поэтому смогли найти согласие по основным обсуждаемым ими вопросам, касающимся прошлого и современности. В итоге сложилась уникальная ситуация «определенности и единства», не имеющая аналогов ни до, ни после рассматриваемых событий. «Определенность, связность, цельность учения, его систематичность и стройность были, без сомнения, одною из причин его распространения и успехов в публике», – резюмирует К. Д. Кавелин [2, с. 1162].

Явные личные симпатии не мешают К. Д. Кавелину констатировать невыполнимость планов славянофилов. Как и западники, славянофилы не разрешили вопросов русской жизни. «Попытки схватить жизнь целого народа, целого племени в одну формулу и, опираясь на нее, заглянуть вперед не привели ни к чему», – пишет сторонник позитивной философии. Однако они сделали свое дело, сослужили свою службу – осветили многие стороны славянского и

российского характера, быта и истории, придали особое значение нравственным ценностям христианства. Для К. Д. Кавелина славянофилы – это не только бескорыстные идеалисты и выразители патриотических настроений, но и нравственные ориентиры для вызревающего в новых условиях нового поколения.

Как видим, К. Д. Кавелин стоит на поливариантной исследовательской позиции: в любом учении видит зерно здравого смысла и подвергает критике одностороннюю идеализацию. Содержательно или контекстуально обе статьи К. Д. Кавелина отражают и саму возможность интеллектуального диалога, и его продуктивность. Кавелинская оценка славянофильства многогранна: они способствовали развитию науки, обосновав идею о том, что поиск объективного знания является необходимым условием творческой деятельности и всей полноты жизни; их философские теории отразили рост национального самосознания; в теософии они раскрыли смысловую значимость нравственной стороны христианства; наконец, они представили историю как результат деятельности человека по улучшению своей жизни.

Смысловая значимость оценки славянофильства К. Д. Кавелина важна для современного исследователя не только в инструментальном плане (схватывать традицию текста и аргументированно применять ее к современности), но и в нормативно-этическом плане (не торопиться с оценкой, не «давить» однозначностью на читателя/слушателя). К. Д. Кавелин демонстрирует конструктивно-критическую оценку славянофильства: *конструктивную* – в том смысле, что создает культурно-историческую и ценностно-философскую модель учения славянофилов; *критическую* – в том смысле, что подвергает сбалансированному анализу сущность доктрины славянофилов, выявляя ее сильные и слабые стороны.

Что касается смысла текстов К. Д. Кавелина, заключающих в себе оценку славянофильства, то следует признать, что сегодня культурная дистанция в определенной мере позволяет приблизиться к авторскому видению вопроса, т. к. современный исследователь свободен от сиюминутных и личностных характеристик. Однако, вслед за Х.-Г. Гадамером, вновь повторим, что проявление подлинного смысла текста никогда не завершится, что это бесконечный процесс и во времени, и в культуре. Для иллюстрации можно привести пример того, как, спустя тридцать лет после рассмотренных выкладок К. Д. Кавелина, еще один позитивистски сориентированный историк, П. Н. Милюков, во многом повторил герменевтическую процедуру своего предшественника (читать тексты прошлого на новой ступени мироощущения и миропонимания). В своей работе «Главные течения русской исторической мысли» (1898), анализируя волнения и споры 30–40-х гг.

ХІХ в., П. Н. Милуков, как и К. Д. Кавелин, справедливо оценивал их в связи с появлением нового поколения образованных людей, живущего и действующего в новой интеллектуальной атмосфере русского общества. Однако, в отличие от К. Д. Кавелина, который изучил философские, религиозные и нравственные искания славянофилов, П. Н. Милуков увидел в искомой полемике новый аспект – постановку национального вопроса [З, с. 339]. Как видим, сочинения славянофилов послужили поводом уже для новой риторики, нового смысла в новой исторической ситуации, связанной на рубеже ХІХ–ХХ вв. со всплеском освободительного движения славянских народов на Балканах.

Литература

1. *Кавелин К.Д.* Злобы дня // Кавелин К.Д. Собрание сочинений. Т. 3: Наука, философия и литература. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1899.
2. *Кавелин К.Д.* Московские славянофилы сороковых годов // Кавелин К.Д. Собр. соч. Т. 3: Наука, философия и литература. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1899.
3. *Милуков П.Н.* Главные течения русской исторической мысли. Т. 1. М.: Типография Т-ва Кушнерова и К°, 1898.
4. *Михайлова Е.Е., Бельчевичен С.П.* Позитивизм и марксизм в России: Проблема социокультурного развития. Тверь: СФК-офис, 2012.

Mikhailova, Elena E. The semantic significance of Slavophilism according to Konstantin Kavelin

References

1. Kavelin, K.D. Zloby dnya [The evils of the day], in Kavelin, K.D. *Sobranie sochineniy* [Collected works], Vol. 3: Nauka, filosofiya i literature [Science, philosophy and literature], St. Petersburg: Printing house of M. M. Stasyulevich, 1899.
2. Kavelin, K.D. Moskovskiye slavyanofily sorokovykh godov [Moscow Slavophiles of the forties], in Kavelin, K.D. *Sobranie sochineniy* [Collected works], Vol. 3: Nauka, filosofiya i literature [Science, philosophy and literature], St. Petersburg: Printing house of M. M. Stasyulevich, 1899.
3. Milyukov, P.N. *Glavnyye techeniya russkoy istoricheskoy mysli. T. 1* [The main trends of Russian historical thought], Moscow: Printing house of T. Kushnerev and Co., 1898.
4. Mikhailova, Ye.Ye., Belchevichen, S.P. *Pozitivizm i marksizm v Rossii: problema sotsiokul'turnogo razvitiya* [Positivism and Marxism in Russia: the problem of social and cultural development], Tver: SFC office, 2012.